

МАРТЫНОВ В. В.

ГЛОТТОГЕНЕЗ СЛАВЯН

Опыт верификации в компаративистике

Как нам неоднократно приходилось писать [1—12], изучение языковых состояний, не наблюдаемых в живом функционировании и не зафиксированных письменно, требует предварительной разработки правил и приемов их верификации. Диагностирующая сила критериев верификации должна быть проверена на материале, доступном для наблюдения, и лишь после получения положительной оценки использована для реконструкции доисторических языковых состояний [13, с. 5]. Только последовательное и тщательное проведение такого рода процедуры дает нам право на утверждение о достоверности нашей реконструкции.

Фактически разработка правил верификации для компаративистики началась с выдвижения типологического принципа Бодуэна [14]. Принятие его требовало соблюдения последовательной ретроспекции, т. е. отказа от постулирования некоторых подсистем для праязыковых состояний без их восстановления путем постепенного продвижения от известного к неизвестному, от наблюдаемого к ненаблюдаемому. Далее необходимо было отобрать характеристики подсистемы, по которым ее можно реконструировать с максимальной достоверностью. Отбор такого рода характеристик предполагалось проводить на материале, доступном для наблюдения. Те из них, которые оказались бы диагностирующими, в дальнейшем могли использоваться как критерии для восстановления дописьменных состояний языка. В процессе изучения глоттогенеза славян нами был выработан ряд критериев достоверности для восстановления праславянского языка. Ниже мы проведем обзор этих критериев и результатов по реконструкции, полученных с их помощью.

Предварительно хотелось бы отметить, что без выработки критериев и реального их использования невозможна дискуссия по результатам. Аргументы, приводимые *ad hoc*, не могут приниматься во внимание, равно как и неаргументированная «реконструкция». Для того, чтобы дискуссия была конструктивной, необходимо либо соглашение спорящих сторон о критериях (и тогда спор шел бы о корректности их использования), либо доказательство одной из спорящих сторон диагностирующей слабости критериев, выдвинутых другой (и тогда первая из них должна была бы выдвинуть альтернативные критерии и доказать их диагностирующую силу). К сожалению, в компаративистике такая процедура не практикуется или, в лучшем случае, проводится непоследовательно, поэтому мы вынуждены отказаться от дискуссии, ограничившись отдельными замечаниями, поясняющими нашу концепцию. В качестве ответа на вопрос о глоттогенезе этноса необходимо определить генезис и эволюцию социума носителей данного языка в реальном пространстве — времени.

Определение пространственно-временных характеристик языка через его конвергенцию (контакты с соседними языками, пространственно-временные характеристики которых известны) не представляет собой ничего нового. Так устанавливались зоны распределения финских, балтийских и восточнославянских диалектов на грани нашей эры или граница, разделяющая языки славян и германцев в V—III вв. до н. э.

Определение прадиалекта для группы диалектов через их дивергенцию (совместные инновации, указывающие на диалектный континуум в прошлом) также не представляет собой ничего нового. Подобным способом ус-

танавливалось единство развития индийских и иранских или балтийских и славянских языков.

Однако в том и другом случае не определялись принципы диагностики этих конвергентных и дивергентных процессов, т. е. отсутствовала собственно верификация, что постоянно ставило под сомнение эвристические результаты и исключало подлинную дискуссию, заменяя ее имитацией научного спора.

Занимаясь проблемой глоттогенеза славян более двадцати лет, мы постоянно стремились верифицировать наши выводы. То, что было сделано в этом направлении, может быть сведено к следующему. Для верификации межъязыковых контактов, которые являются необходимой предпосылкой конвергентных процессов, была разработана теория лексических проникновений, предполагающих пограничное двуязычие при необязательности культурного влияния, характерного для лексического заимствования¹. Диагностика проникновения определялась фонетической и словообразовательной инновацией в языке-источнике, фонетической субституцией, вызываемой взаимодействием двух фонологических систем, семантической субституцией, вызываемой взаимодействием двух семантических микросистем с конкуренцией абсолютных синонимов. Для отбора примеров с максимальной относительной надежностью необходимым условием было наличие эксклюзивных изолексов, т. е. точных соответствий, ограниченных парой языков, находящихся в контакте. В качестве достаточного условия принималось наличие всех характеристик.

Позднее была разработана теория ингредиентов, предназначенная для определения взаимодействия языков в условиях субстратно-суперстратных отношений. При этом сохранялась действенность характеристик лексического проникновения с тем лишь различием, что к лексическим проникновениям присоединялись грамматические.

В наших работах мы выделяли для праславянского языка в ретроспективной хронологической последовательности славяно-германские и славяно-кельтские контакты (V—III вв. до н. э.), славяно-иранские (VI—V вв. до н. э.) и славяно-италийские (XII в. до н. э.) субстратно-суперстратные отношения². Что касается последних, точнее было бы говорить о западнобалтийско-италийских субстратно-суперстратных отношениях, поскольку применительно к периоду до их возникновения трудно говорить о славянском языковом состоянии.

Набор лексических и грамматических слов языка А, проникших в язык В, мы называем А-ингредиентом языка В. Легко понять, что каждый язык имеет столько ингредиентов, сколько было установлено его субстратно-суперстратных отношений с другими языками, включая его собственный праязык в качестве первичного ингредиента. Нами были сформулированы

¹ К сожалению, до сих пор среди компаративистов бытует мнение, что адаптация иноязычного слова в данной языковой среде всегда определяется культурным влиянием, хотя исследовательский опыт решительно свидетельствует против этого. Нельзя же скандинавское происхождение англ. *take* «брать» объяснять особыми «захватническими» способностями викингов. Апогеем подобной наивности является замечание о том, что наличие праслав. *gъzъ* «гусь» (< прагерм. *gansiz*?) можно понять, если учесть сообщение Плиния о «превосходном качестве германских гусей» [15].

² Обычно нам приписывается схема праслав.-балт. + итал. + ирак. [16; 17, с. 57]. Если бы мы придерживались такой схемы, то возникло бы явное противоречие (как утверждалось в [17, с. 65]) между основными концепциями наших докладов на VII и VIII Международных съездах славистов. В первом из них обосновывалось существование общего для балтов и славян праязыка (т. е. дивергентное происхождение праславянского), во втором — становление языка славян в результате контактного и субстратно-суперстратного взаимодействия (т. е. конвергентное происхождение праславянского). В действительности никакого противоречия здесь нет. Нам чужд односторонний догматизм, который требует признания либо конвергентного, либо дивергентного объяснения глоттогенеза. В конечном счете такой догматизм восходит к старому спору сторонников Шлейхера и Шмидта. Наша концепция недвусмысленно сформулирована в докладе на IX Международном съезде славистов: «Повторяем, мы далеки от мысли объяснять эволюцию праславянского языка контактами и влияниями. Дивергентное развитие было синхронным и равноправным, но конвергенция определяла пространственно-временную стратификацию праславянского языка, ее значение для наших целей было решающим» [11, с. 39]. Та же концепция была представлена в виде схемы взаимодействия конвергенции и дивергенции [12, с. 95].

критерии определения ингредиентов и критерии диагностики их надежности. При этом мы опирались на типологический принцип Бодуэна, проверяя эти критерии на вполне доступном материале документированного развития языков и диалектов.

Так, образцовым примером для нас служило взаимодействие англосаксонского и старофранцузского ингредиентов при становлении английского языка. Для английского языка, как известно, характерна борьба синонимов, относящихся к этим двум основным ингредиентам, типа *flood* — *deluge*, из которых первый имеет регулярные германские соответствия, а второй указывает на вторичный французский источник. Соответственно славянская синонимическая пара считается удовлетворяющей критерию обнаружения балтийского и итальянского ингредиента (например, *prstь* — *ralьсь*), если один из ее элементов (в данном примере первый) обязательно имеет балтийские и, возможно, иные индоевропейские параллели, а другой только точную итальянскую параллель, надежность которой как источника проникновения поддается проверке с использованием фонетической, словообразовательной и семантической характеристик или хотя бы одной из них. Таким же образом разграничиваются балтийские и иранские ингредиенты, балтийские соответствия и кельтские проникновения. Что касается германских проникновений, то они не являются показательными, так как германизмы в праславянском языке плохо отличаются от готизмов, датируемых I—IV вв. н. э. и локализуемых по Висле и в других регионах уже распространившегося к тому времени на большую территорию славянского языкового ареала. При определении пространственно-временной стратификации славяно-германских языковых контактов мы исходим из анализа славянизмов в прагерманском, используя для проверки надежности источника те же фонетические, словообразовательные и семантические характеристики.

Список наиболее надежных прагерманских славянизмов в настоящее время сводится к следующему: 1) *daila, dailjan* «часть, делить», (< праслав. *dělъ, děliti*); 2) *hwata* «быстрый, храбрый, ловкий» (< праслав. *xvatъ*); 3) *malla* «солод» (< праслав. *molto*); 4) *mapljan* «обращаться с торжественной речью, давать обет» (< праслав. *modliti*); 5) *neřija* «родич, муж» (< праслав. *netijъ*); 6) *plata, platja* «кусок ткани» (< праслав. *platъ, platъje*); 7) *plōga* «плуг» (< праслав. *plugъ*); 8) *sadula* «седло» (< праслав. *sedъlo*); 9) *sakan* «обвинять, ссориться» (< праслав. *sočiti*); 10) *skapa* «овца» (< праслав. *skopъ*); 11) *skatta* «скот, состояние» (< праслав. *skotъ*); 12) *tila* «обрабатываемая земля» (< праслав. *tylo*); 13) *tūn-* «забор, живая изгородь» (< праслав. *tynъ*); 14) *warga* «преступник, дьявол, волк» (< праслав. *vorgъ*).

Славянская фонетическая инновация фиксируется в примерах 4, 5, 11 (метатеza *dl* < *ld*, упрощение групп согласных *pl* > *t*); в примерах 1, 6, 7, 9, 10, 13 фонетическая характеристика свидетельствует в пользу славянского источника (отсутствие закономерного первого передвижения согласных и невозможность исконного начального в германском). Славянская словообразовательная инновация фиксируется в примерах 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14. Семантическая инновация и абсолютная синонимия исконной и проникшей лексем проверяется анализом по семантическим микросистемам.

Рассмотрим подробно один из примеров: праслав. *skotъ* > прагерм. *skatta*. В свое время мы генетически соотносили праслав. *skotъ* и др.-греч. *σκῆνος* «скот» (< **(s)kt-en-os*), сопоставляя обе формы с праслав. *kotiti sь* «плодиться» [1, с. 184]. Эта версия нас не устраивала, поскольку не доказывалась словообразовательная инновация в праславянском. Наша попытка возвести *skotъ* к *sъkotъ* и обосновать таким образом словообразовательную инновацию наталкивалась на трудность доказательства начального *s* < *sъ*. Кроме того, в обеих версиях необъясненной оставалась геминация *t* (*tt*) в прагерманском, которая сама по себе свидетельствовала в пользу неисконности *skatta*, но фонетическая субституция *tt* < *t* оставалась непонятной. Мы отнесли в свое время этот пример к числу обладающих средней относительной надежностью. Хотя геминированное *t* и столкновение абсолютных синонимов в прагерманском явно свидетель-

ствовало в пользу иноязычного происхождения *skatta* (чего нельзя сказать о его синониме *fehū*), но отсутствие обоснования славянской инновации для *skotъ* оставляло под вопросом славянский источник проникновения. Решение вопроса наступило в связи с новой весьма удачной этимологией [18]. Эта этимология сразу увеличила надежность проникновения из праславянского по двум показателям. Во-первых, была установлена словообразовательная инновация в праславянском: *skotъ* < *skop-tъ* (< *skopiti*), во-вторых, объяснена фонетическая субституция в прагерманском: *skop-tъ* > *skot-tъ* > *skatta* (проникновение реализовалось после *pt* > *tt*, но до *tt* > *t*). Семантическая субституция в прагерманском ясна на примере столкновения *skatta* с абсолютным синонимом *fehū* и закономерным распределением значений (ср. др.-в.-нем. *skaz* «имущество» — *fihi* «скот» и др.-фриз. *skat* «скот» — *fia* «имущество»). Таким образом, налицо полнота необходимой аргументации. Эта этимология (*skotъ* < *skop-tъ*) была нами принята, а старая отвергнута, т. к. мы строго придерживались критериев проникновения, сформулированных нами раньше (словообразовательная инновация, фонетическая субституция, семантическая субституция). И в то время как старая этимология была поддержана другими лингвистами [19], мы отказались от нее в пользу новой по соображениям исключительно верификационного характера.

Список наиболее надежных кельтизмов в праславянском сводился к следующему: 1) *bagno* «низкое топкое место, болото» (<пракельт. *bōgan*); 2) *br'uxo* «живот, брюхо» (<пракельт. *briuhō*); 3) *jama* «яма, пещера, могила» (<пракельт. *ōma*); 4) *klětъ* «хижина, шалаш, подсобное помещение» (<пракельт. *klēti*); 5) *korsta* «короста, парша, стручья» (<пракельт. *kars-*); 6) *sadlo* «сало» (<пракельт. *saldi*); 7) *sěta* «скорбь» (<пракельт. *saitu*); 8) *tragъ* «нога, шаг» (<пракельт. *trag-*).

Кельтская фонетическая инновация фиксируется в примерах 1, 3, 4 (возникновение вторичных долгот дифтонгического происхождения), в примерах 2, 4, 5, 8 фонетическая характеристика свидетельствует в пользу кельтского источника (учет закономерностей лениции, отсутствие ассибиляции в сатемном языке, сокращение предударных долгот в кельтском). Кельтская словообразовательная инновация фиксируется в примерах 1, 2, 4, 6, 7, 8. Подробное рассмотрение одного из примеров кельтского лексического проникновения в праславянский ничего не прибавит, поскольку здесь обнаруживаются те же диагностирующие характеристики, что и в случаях славяно-германских языковых контактов.

Список наиболее надежных иранизмов (скифизмов) сводился к следующему: 1) (*j*)*aščerъ* «змея» (<иран. *ažitar*); 2) *bogъ* «бог» (<иран. *baga*); 3) *divъ* «злой дух» (<иран. *deiva* < *daiva*); 4) *dъždъ* «непогода, дождь» (<иран. *duž-diu*); 5) *gatali* «неясно говорить, ворожить» (<иран. *gāta*); 6) *xъrtъ* «скорый, быстрый, гончая» (<иран. *hurta*); 7) *xvala* «выражение благодарности» (<иран. *hvālā*); 8) *kъ* «к» (<иран. *ku*); 9) *mъžъ* «муж» (<иран. *manuš-*); 10) *ovъ* «тот» (<иран. *ava-*); 11) *patriti* «смотреть, заботиться, беречь» (<иран. *patrai*); 12) *radi* «ради, для» (<иран. *rādī*); 13) *sinъ* «синий» (<иран. *akseina*); 14) *volъ* «волос» (<иран. *valsa*).

Иранская (скифская) фонетическая инновация фиксируется в примерах 1, 4, 6, 7, 12, 13, 14 (денализация, рефлексация индоевропейских палатальных, озвончение, начальное *h* < *s*, долгие гласные, скифское *i*). Грамматическая субституция в примерах 8, 10, 12 свидетельствует в пользу иранского источника. Иранская словообразовательная инновация фиксируется в примерах 1, 4, 6, 7, 9, 11, 14. Семантическая инновация — по семантическим микросистемам (см. особенно примеры 2 и 3).

Италийский ингредиент понимается не в смысле проникновения из итальянских языков. Речь здесь идет о некотором языке (типа венецкого), имеющем общую лексическую часть с латинским и, возможно, входившем в языковой союз с итальянскими языками.

Список наиболее надежных лексем итальянского происхождения сводился к следующему: 1) *bobъ* (<италийск. *baba*); 2) *boršъno* «мука» (<италийск. **bharsina*); 3) *dětъ* «дитя» (<италийск. *dhētos*); 4) *glъtъ* «горло, глотка» (<италийск. *glutos*); 5) *golpъbъ* «голубь» (<италийск.

galumbis); 6) *goserъ* «гусак» (< итальяйск. *hanser*); 7) *gъrnъ* «печь, очаг» (< итальяйск. *ghurnos*); 8) *jъgъla* «игла» (< итальяйск. *jugula*); 9) *kobyла* «лошадь» (< итальяйск. *kabō-la*); 10) *lěto* «лето, благоприятная пора» (< итальяйск. **laitos*); 11) *matorъ* «старый, зрелый» (< итальяйск. *mātoros*); 12) *moltъ* «молот» (< итальяйск. *malteos*); 13) *ny — vy* «мы — вы» (< итальяйск. *nōs — vōs*); 14) *ogъlъ* «угол» (< итальяйск. *angulos*); 15) *pas-tyrъ* «пастух» (< итальяйск. *pāstōr*); 16) *pravъ* «правый» (< итальяйск. *prāvus*); 17) *sekyra* «топор» (< итальяйск. *sekūra*).

Италийская словообразовательная инновация фиксируется в примерах 2, 5, 6, 8, 9, 15, 17, семантическая — 3, 4, 10, 11, 16. Последняя определяется в результате анализа по семантическим микросистемам с выделением абсолютных синонимов соотносимых ингредиентов и определением семантической субституции. Фонетическая субституция отражена в примерах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 15, 16, 17, грамматическая — 13.

Всесторонний учет этой аргументации позволил выделить в праславянской лексике первичный балтийский и вторичный итальяйский ингредиенты, пространственно-временная интерпретация которых сводилась к подтверждению наслонения итальяйского суперстрата на балтийский субстрат.

Рассмотрим подробно один из примеров субстратно-суперстратных отношений в области лексики. При определении вторичного ингредиента, как уже говорилось, используется аргументация, введенная для обоснования источника лексического проникновения. Особенностью вторичных ингредиентов является возможность проникновения грамматических слов, что при пограничных контактах не наблюдается.

В праславянском существовали абсолютные синонимы для обозначения понятия «мукá» — *mrka* и *boršъno* [8, с. 31]. Первый имеет балтийские и другие индоевропейские соответствия (литов. *minkle*, лтш. *mīkla* «тесто» и др.) и относится к первичному балтийскому ингредиенту, второй — только латинскую параллель: *farīna* (< *farsina* < **bhars-ina*) «мукá» и относится ко вторичному итальяйскому ингредиенту. Уникальность итальяйской параллели — необходимое условие квалификации *boršъno* как вторичного ингредиента. Достаточным условием является наличие остальных критериев в их полном составе. Во-первых, устанавливается словообразовательная и семантическая инновация в итальяйском (*fars-ina* «мукá» < *fars* «зерно»). Во-вторых, фонетическая субституция в праславянском (*boršъno* < *borxъno* > *boršъno*). Древность ингредиента подтверждается сохранением начального *bh* в языке-источнике и фиксацией древнейшего славянского фонетического перехода *z* > *x* после *r* с последующей первой палатализацией *x* > *š*. Фонетическая субституция сопровождается семантической, которая приводит к различному распределению значений между *mrka* и *boršъno* по диалектам. В болгарском, где *boršъno* вытеснило *mrka*, оно не изменило старого значения «мукá». В словенском, где *mrka* сохранило старое значение «мукá», *boršъno* приобрело генерализованное значение «съестные припасы» и т. д. Интересно, что в южнославянских языках наблюдается и географическое распределение для *mrka* (словенский язык, кайкавские и чакавские говоры сербскохорватского) — *boršъno* (штокавские говоры сербскохорватского, македонский и болгарский). Двойное дополнительное распределение данных лексем (семантическое и географическое) наиболее убедительным образом подтверждает их абсолютную синонимичность. Сам механизм контактных и субстратно-суперстратных межъязыковых связей, реализуемый как проникновения и ингредиенты, приводил к возникновению абсолютных синонимов разноязычного происхождения, которые в силу своей принципиальной неустойчивости либо вытесняли друг друга, либо распределяли между собой значения³.

Конвергенция не является привилегией «смешанных» языков. Вероятно,

³ Совершенно очевидно, что мы устанавливаем факт наличия абсолютных синонимов в праславянском не при помощи дефиниций в словарях живых языков, а на основе дополнительного распределения синонимов с их спорадической взаимозаменяемостью и перераспределением значений по диалектам. К сожалению, эта методика анализа по семантическим микросистемам не учитывается некоторыми нашими оппонентами, поэтому спор с ними был бы беспредметным.

не существует языков, не имеющих иноязычных ингредиентов, но вопрос этот в целом систематически не изучался. Балтийские языки, например, сами, по-видимому, имеют финский ингредиент, который еще подлежит исследованию. Существующие в настоящее время списки изолексы крайне несовершенны, поскольку в них отсутствует разграничение по семантическим микросистемам и в каждом случае не доказывалась эксклюзивность пары разноразличных лексем, совпадающих по форме и значению. Поэтому такого рода списки лишены доказательной силы, а подсчет включенных в них разного рода изоглоссных пар создает нежелательные иллюзии⁴. К тому же праязыковая лексика, т. е. лексика, праязыковой характер которой может быть доказан, количественно не соотносима с общенародной или зафиксированной в письменных памятниках, поэтому их количественное соотношение ни о чем не свидетельствует, кроме того, что лексика исторического периода по крайней мере на порядок многочисленнее доисторической (реконструируемой), и, следовательно, количество примеров, добываемое из первой, на столько же больше числа примеров из второй⁵.

Последовательно ретроспективный учет конвергентных отношений приводит к установлению пространственно-временных характеристик для носителей языка на разных стадиях его развития. И здесь важно еще раз подчеркнуть, что особое внимание к конвергентным процессам диктуется не тем, что в них мы видим основу глоттогенеза, а тем, что они диагностируют пространственно-временное распределение языковых состояний, установление которых в условиях строгой ретроспекции позволяет приблизиться к исходному.

Итак, мы восстанавливаем западную границу праславянской территории для V—III вв. до н. э. по Одре на основании наличия славянских лексических проникновений в прагерманский, основную территорию славян в VI—V вв. до н. э. между Одрой и Вислой, т. е. в западнобалтийском ареале, — по иранскому ингредиенту и в XII—XI вв. до н. э. — по италийскому. Географическая совмещенность древнейшего славянского ареала с западнобалтийским получила в последнее время дополнительное обоснование. В нашей новой работе, посвященной прусско-славянским эксклюзивным изоглоссам, было установлено, что из 24 случаев в 21 они имеют

⁴ В работе [20] приводятся два списка глаголов. Один из них в количестве 17 иллюстрирует «италийско-славянские» лексические связи (5 из них без балтийских параллелей), другой в количестве 21 — «италийско-балтийские» лексические связи (9 из них без славянских параллелей). Следует отметить, что автор работы не претендует на эксклюзивность этих списков. Что касается последних девяти италийских глаголов, то они либо имеют, кроме балтийских, другие индоевропейские параллели, либо (по крайней мере в одном случае) не имеют надежных параллелей: лат. *capere* ~ гот. *haffjan* ~ алб. *kap* ~ лит. *kampti*; лат. *figere* ~ литов. *dūgti* ~ др.-англ. *dīc*; лат. *laedere* ~ литов. *lydīmas* ~ лит. *līst* (в этимологических словарях латинского языка Вальде — Гофмана и Эрну — Мейе соответствия к лат. *laedere* признаны ненадежными); лат. *sūgere* ~ др.-исл. *sūga* ~ др.-ирл. *sūgim* (если не из лат.) ~ лит. *sūkt*; лат. *trahere* ~ др.-исл. *draga* ~ лит. *dragāt* (не сюда ли праслав. *dyrgati*?); лат. *gibbus* ~ др.-исл. *skeifr* ~ литов. *geibti*; лат. *rēmus* ~ др.-инд. *aritrab* ~ др.-греч. *ερέτης* ~ др.-исл. *rōdr* ~ литов. *lrti*; лат. *rota* ~ др.-инд. *rathab* ~ др.-ирл. *roth* ~ др.-в.-нем. *rad* ~ литов. *rātas*; лат. *vibrare* ~ др.-исл. *veipr* ~ литов. *vūburti*.

⁵ Как праславянскими, не считая прямых дериватов, мы оперируем примерно 2000 лексем [21]. Если считать праславянскими не попавшие в данный список южнославянские лексемы, имеющие индоевропейские соответствия, общее их число увеличится до 3000. В современном живом языке типа английского мы оперируем примерно 30 000 слов, т. е. числом на порядок больше. Легко понять, что соотношение однократных примеров из того и другого языка определяется как 1 : 10. Еще большим недоразумением оказывается утверждение, что при двукратном суперстратном наслонении одного языка на другой «неизбежны были бы многие десятки примеров с синонимами типа балт. ... *tesla* ~ итал. *sekyra* — иран. *toporъ*» [17, с. 65]. Адаптация в языке пары абсолютных синонимов в условиях двуязычия является случайным событием, вероятность которого для праславянского словаря (3000 ед.) при ≈ 20 нарах синонимов составляет 0,006. Появление же тройки синонимов, естественно, рассматривается как условная вероятность совпадения двух пар, которая равна произведению вероятностей, т. е. $0,006 \cdot 0,006 = 0,000036$. Таким образом, вероятность такого рода ничтожно мала (36 случаев на миллион), и мы не вправе ожидать даже одной тройки абсолютных синонимов в границах праславянского словаря.

италийско-кельтскую языковую ориентацию, т. е. единственно надежные соответствия в языках этой группы. Сюда относятся: др.-прусс. *ayculo* «игла» ~ праслав. *jьgъla* ~ лат. **jug-ula*; др.-прусс. *babo* «боб» ~ праслав. *boba* ~ лет. *faba*; др.-прусс. *gabawo* (< **gābō*) «жаба» ~ праслав. *žaba* ~ лат. *būfō*; др.-прусс. *geits* «хлеб» ~ праслав. *žito* ~ др.-ирл. *biad, biith*; др.-прусс. *luckis* «шолоно, щеп» ~ праслав. *lučь* «лучина» ~ лат. *lux, lumen* (< **luksmen*) «свет, светильник»; др.-прусс. *maldenikis* «дитя» ~ праслав. *moldenъсь* ~ венец. *malzonkeo*; др.-прусс. *mealde* «молния» ~ праслав. *mъldni* ~ уэльск. *i mell*; др.-прусс. *pausto* «дикий, пустой» ~ праслав. *pustъ* ~ лат. *purus* (< **pausos*), др.-прусс. *saltan* «сало» ~ праслав. *sadlo* (< **saldom*) ~ ирл. *sail, sall* (< **saldi, *sald*); др.-прусс. *scaytan* «щит» ~ праслав. *ščitъ* ~ ирл. *sciath* ~ лат. *scūtum*; др.-прусс. *wanso* «первая борода, пушок» ~ праслав. *vpsъ* ~ др.-ирл. *fes* (< **fans*); др.-прусс. *wutris* «кузнец» ~ праслав. *vъtrъ* ~ лат. *uter* «мех».

Особенно показательны удивительные совпадения в местоименных формах: др.-прусс. *pouison* «нас», *pouimas* «нам», *wans* «вас» ~ праслав. *ny, vy, nasъ, vasъ* ~ лат. *nōs, vōs*; др.-прусс. *mennei* «мне», *tebbe, tebbei* «тебе», *sebbei* «себе» ~ праслав. *тънѣ, тебѣ, себѣ* ~ др.-лат. *tibi, sibi*, оск. *sifei*, умбр. *tefe*; др.-прусс. *mais* «мой», *twais* «твой», *swais* «свой» ~ праслав. *moje, tvoje, svoje* ~ лат. *meus* (< **maios*). В этих случаях под италийским суперстратом просматривается именно западнобалтийский субстрат праславянского языка [22].

Восточная граница праславянской территории в ее южной части была уточнена для начала н. э. (I в. до н. э.—I в. н. э.) на основании полесских исследований [2, 23], а в северной части ее определение не вызывало трудностей, поскольку территория, занятая балтами, располагалась компактным массивом на восток от Вислы. В настоящее время особую актуальность приобретает локализация южной границы распространения праславянского языка [24, 25]. Славяно-кельтские контакты, одновременные со славяно-германскими, были нами локализованы в южной части Одры в соответствии с малопольским ареалом кельтов. Однако не исключено, что по крайней мере частично они локализовались в северной Паннии, т. е. на южной границе праславянского языкового массива. По-видимому, назрела необходимость специального изучения возможных контактов праславянского языка с языками палеобалканскими, основной материал для которых дают албанские и румынские диалекты.

Языковое состояние, предшествующее самому раннему из реконструированных нами на основании анализа процессов конвергенции, мы принимаем за переходное, и восстановление его должно базироваться на анализе процессов дивергенции.

В основу диагностики дивергентных процессов была положена экспликация понятия «совместная инновация». Полагаем, что совместная инновация может иметь место только для диалектов, восходящих к общему языку, который определяется как пространственно-временной диалектный континуум. Мы также полагаем, что для диагностики дивергентных процессов необходима реконструкция парадигматического плана языка, подсистем единиц двух его уровней: фонем и лексем. Обе подсистемы должны быть реконструированы в динамике для определения их порождающих возможностей.

Для уровня фонем нами была предложена общая теория аккомодации, к рассмотрению которой с точки зрения глоттогенеза славян мы и переходим. В соответствии с теорией аккомодации, аккомодирующие языки, т. е. языки с максимальным тембровым уподоблением соседних согласных и гласных, располагают минимальной подсистемой вокализма. Она реконструируется для праславянского при соблюдении поэтапной ретроспекции на основе подсистемы, зафиксированной в историческое время. Для праславянского избирается старославянская подсистема [4, с. 56; 6, с. 129]:

i	y	u
ь		ъ
ѣ		ѡ
е		о
ѧ		а

Поскольку *u*, *ѣ*, *ѡ* возникли из дифтонгов, подсистема простых гласных редуцируется до:

i	y
ь	ъ
е	о
ѧ	а

Здесь *о* является единственным лабиализованным заднего ряда при последовательной делабиализации в праславянском. Поэтому эту подсистему целесообразнее переписать как:

i	y
ь	ъ
е	<i>a</i> ₁
ѧ	<i>a</i> ₂

Гласные первого и второго подъема и пропорционально им гласные третьего и четвертого различаются количественно, что может быть представлено в более явном виде:

<i>i̇</i>	<i>ẏ</i>
<i>ь̇</i>	<i>ъ̇</i>
<i>е̇</i>	<i>а̇</i>
<i>ѧ̇</i>	<i>а̇</i>

противопоставление *ѧ̇* : *а̇* совпадает с известной концепцией открытого *ѧ̇*. Сведя гласные по долготе — краткости, получаем:

<i>i̇</i>	<i>ẏ</i>
<i>ь̇</i>	<i>ъ̇</i>
<i>е̇</i>	<i>а̇</i>

Если признать, что в праславянском существовала количественная корреляция *ǣ* — *ā*, которая перешла в тембровую *a* — *o* после перехода *ǣ* > *ǫ*, то следует ожидать аналогичных сдвигов и для *ѧ̇* — *ѧ̇*. Учитывая открытый характер *ѧ̇*, это противопоставление можно представить как *iǣ* — *iā* [6, с. 133]. Тогда *ǣ* > *ǫ* при неизменности *ā*, пропорционально *iǣ* > *iǧ* при неизменности *iā* (что касается верхнего подъема, то там реализовались переходы *iŭ* > *iŭ̇*, *iŭ̇* > *iŭ̇*). Если же мы, в соответствии с концепцией аккомодации, отнесем тембровые характеристики к согласным, то состояние подсистемы можно будет записать так:

<i>ẏ</i>
<i>ā</i>

Такая подсистема, восходящая к периоду после славянской делабиализации, предполагает в качестве ей предшествующей:

<i>i̇</i>	<i>ẏ</i>
<i>ь̇</i>	<i>ъ̇</i>
<i>е̇</i>	<i>а̇</i>

Проведенная нами внутренняя реконструкция может получить подтверждение внешним сравнением.

Было обращено внимание на то, что ни один из примеров с начальными *čā*, *džā*, *šā*, *iā* в славянских языках не имеет надежных индоевропейских соответствий в виде *kē*, *gē*, *xē*, *iē* [6, с. 130]. Таким образом, примеры типа *žaba* не имеют соответствий со структурой **gēbā*, что побуждает реконструировать для праславянского **giābā*. Подтверждением правильности такой реконструкции является славяно-прусская эксклюзивная изолекса *čaša* ~ *kiosi* «чаша». Записавший прусское слово услышал йотовый глайд после начального *k*, что соответствует реконструкции *čaša* как *kjāsīā*.

Из сказанного видно, что после праславянской делабиализации возникла система с мягкостной корреляцией силлабем. Существуют две динамические характеристики, которые предполагают такого рода систему. Это сильное протезирование [4, с. 40], т. е. появление протез перед гласными, не совпадающими с ними по тембру, и преобразование заднеязыч-

ных в дентальные перед гласными переднего ряда. Эти характеристики необязательны для языков с мягкостной корреляцией, но их наличие предполагает мягкостную корреляцию [13, с. 159].

Мы уже обращали внимание на то, что в тех современных славянских диалектах, где наблюдаются эти характеристики, существует мягкостная корреляция и что это в равной мере касается праславянского языка. В таких, например, лексемах, как *veprь* и *jutro*, фиксируется сильное протезирование, а в известном лексическом проникновении из германского *wikinga* > *vitędzь* (ср. *rekinga* > *retędzь*, гот. *skilliggs* > *stōlēdzь*) — переход $k' > t'$ [4, с. 62].

Для балтийского с целью реконструкции системы вокализма [26, 27] избирается древнепрусский [28, с. 196], для которого строится следующая подсистема:

$\check{i}$	$\check{u}$
$\check{e}$	$\check{o}$
	$\check{a}$

Здесь обращает на себя внимание отсутствие $\check{ö}$, хотя в переднем ряду соответственно представлено $\check{e}$. Если мы учтем, что $\check{e}$ и $\check{e}$ являются открытыми гласными [29, с. 34, 46], то $\check{o}$ вообще останется без коррелята:

$\check{i}$	$\check{u}$
$\check{e}$	$\check{ö}$
	$\check{a}$

К тому же в древнепрусском трудно обнаружить разграничение $\check{o}$ и $\check{ö}$ [28, с. 191]. Это дает основание для реконструкции более простой подсистемы прапрусского вокализма [30]:

$\check{i}$	$\check{u}$
$\check{e}$	$\check{a}$

Поскольку, однако, *ia* и *ie* практически не противопоставлены друг другу (ср. прусскую репрезентацию $\check{e}$ и $\check{ö}$ как соответственно *ea* и *oa*) [29, с. 46], прапрусский вокализм реконструируется как треугольный:

$\check{i}$	$\check{u}$
	$\check{a}$

и тем самым совпадает с протославянским. Такого рода внутренняя реконструкция прапрусской (resp. западнобалтийской) подсистемы получает совершенно идентичное по отношению к праславянской внешнее подтверждение. Минимальный (треугольный) вокализм свидетельствует о максимальной аккомодации, а подтверждением максимальной аккомодации является сильное протезирование и спорадический переход мягкого k в t ($k' > t'$).

Для прусского языка сильное протезирование является широко распространенным. Ср. примеры на $\check{u}$ -протезу: *woble* ~ праслав. *jablьko* «яблоко», *woasis* ~ праслав. *~ jaseň* «ясень», *wurs* «пруд» ~ *iurin* «море», *wosee* ~ литов. *ožỹs* «козел» и др.; примеры на $\check{i}$ -протезу: *iurin* «море» ~ *wurs* «пруд», *iaukint* ~ праслав. *vyknōti*, *eristian* ~ литов. *ėras*, *jėras*, *vėras*, *gėras*, лтш. *aries* «баран», *esketres* ~ праслав. *jesetrь* «осетр», *estureyto* ~ праслав. *(j)aščerь* «ящер» и др. Следует заметить, что в древнепрусском йотовая протеза перед гласными переднего ряда не обозначается и «поглощается» последними [31], что служит дополнительным подтверждением неразличения *ia* и *ie* и свидетельствует в пользу треугольного вокализма в прусском.

Что касается мягкостной корреляции синтагмой, которая имеет место в древнепрусском, как и в праславянском, то подтверждением ее является смещение k' — t' в пользу t' . В Эльбингском словаре зафиксировано свыше полутора десятка примеров на переход $k' > t'$ ⁶. Два-три случая обратного преобразования можно считать гиперкоррекцией.

⁶ «...исправление -с- на -t-, как известно пруссистам, не следует считать конъектурой» [32]. В беседе с нами В. Мажюлис высказал предположение, что этот процесс в прусском типологически адекватен процессу смещения k' и t' в дзукских говорах литовского языка. Относительно последних ср. [33].

Рассмотрим два характерных примера. Др.-прусс. *trupeyle* «лягушка» < *crupeyle*. Ср. литов. *krūpė* «жаба», лтп. *krupis* «то же», литов. *krūpti* «паршиветь», *kraupūs* «шершавый, в стручьях», др.-исл. *hriuftr* «то же» и др. В этом примере, как и в ряде других, непосредственная причина перехода $k > t$ не обнаруживается, поскольку в записи прусских текстов мягкость не могла быть никак помечена: родной язык записывающего не знал мягкостной корреляции. Мы должны предположить, что первоначально прусская форма имела вид $*kr^i up^i ail^i a$ (ср. *kiosi* «чаша»). Возможно, что смягчение начальной группы смычная + сонант осуществилось под влиянием последующих мягких согласных. В другом примере, который мы предлагаем рассмотреть, мягкость первичного k реконструируется с большей надежностью. Мы имеем в виду *staytan* «щит» < $*sk^i aitan$, которое морфологически точно соответствует лат. *scūtum* «щит» (< $*skoitom$, ср. р.). О том, что на прусской языковой почве корневое k смягчалось, свидетельствует праслав. *ščitъ* «щит» < $*skeit$ < $*sk^i ait-$, $k' > t'$ в прусской форме фиксируется надежно.

Таким образом, внешнее сравнение (u , i -протезы, $k' > t'$) подтверждает внутреннюю реконструкцию, что позволяет увидеть в древнепрусском фонологическую систему, аналогичную праславянской. А если учесть, что в праславянском осуществилась последовательная делабиализация, а в древнепрусском пали лабиализованные заднеязычные (k^u , g^u), но сохранилось $ŷ$, то старопрусская фонологическая система идентична праславянской до завершения делабиализации, что соответствует представлению о праславянской языковой системе как дочерней по отношению к западнобалтийской.

Другая подсистема, реконструкция которой подлежит верификации, относится ко второму уровню парадигматического плана языка — к уровню лексем. Для уровня лексем была предложена общая теория формантной деривации, в соответствии с которой именное словообразование наилучшим образом диагностирует родство языков [5, 7]. Эта методика, как известно, была проверена на исторически зафиксированных языковых состояниях (сравнение заведомо восходящих к одному праязыку белорусского и болгарского наглядно показало диагностирующую силу предложенного критерия). Более общие соображения также указывают на то, что в условиях диалектного континуума происходит постоянное порождение общей для региона лексики, при котором наравне с семантической деривацией протекает и формантная, причем состав продуктивных суффиксов и словообразовательных моделей, в которых данные суффиксы участвуют, наилучшим образом характеризует лексико-словообразовательную подсистему языка.

Как показали наши исследования, самыми продуктивными формантами деривации имен в славянских и балтийских языках являются суффиксы с завершением на $-j$, $-k$. Типичные примеры неэксклюзивных славяно-прусских словообразовательных соответствий с этими формантами: праслав. *kujь* «молот» ~ др.-прусс. *cūgis* «то же» (< *kūjis*, ср. литов. *kūjis*), праслав. *ortajь* «пахарь» ~ др.-прусс. *artoys* «то же»; праслав. *тъньсь* «мяльщик» ~ др.-прусс. *mynix* «то же», праслав. *šвьсь* «швец» ~ др.-прусс. *schuwikis* «то же» и др. Из иных примеров славяно-прусских словообразовательных соответствий можно назвать праслав. *bojazнь* «боязнь» ~ др.-прусс. *biāsan* «то же», праслав. *nogъь* «ноготь» ~ др.-прусс. *pagutis* «то же», праслав. *čadъ* «дым», угар ~ др.-прусс. *accodis* (< *at-codis*) «дымоход», праслав. *žalbъ* «могила» ~ др.-прусс. *golis* «смерть», праслав. *varь* «краска» ~ др.-прусс. *woapis* «то же» и др. Здесь мы лишь приводим примеры того, как одна и та же словообразовательная модель при помощи тех же формантов наполняется тем же значением. Тожественных моделей с тождественными формантами, но разными значениями, естественно, значительно больше.

Так, древнепрусский является единственным балтийским языком, в котором сохранился средний род имен существительных (ср. др.-прусс. *asseran* ~ праслав. *ozero*, др.-прусс. *creslan* ~ праслав. *kreslo* и т. д.).

В числе прочих он сохранился в именах, образованных с помощью суффикса *-kl-* (славянские имена, образованные при помощи соответствующего ему суффикса *-tl-*, также среднего рода). Ср. др.-прусс. *staclan* «опора» ~ праслав. *stadlo* «то же».

Учитывая объемную и жанровую ограниченность прусских текстов сравнительно с текстами живых балтийских языков, наблюдается непропорционально много славяно-пруссских сходжений в области лексики. Не говоря о славяно-пруссских эксклюзивных изолексах, о которых речь шла выше, можно назвать свыше пятидесяти балто-славянских соответствий, включающих прусскую лексику, в которых именно эта последняя по семантическим или формальным показателям ближе всего к славянской. В то же время обратные случаи, т. е. случаи, когда литовская или латышская лексемы ближе к славянской, чем прусская, практически не известны.

Рассмотрим один пример, бывший уже предметом дискуссии. В свое время мы не включили др.-прусс. *dalptan* «долото» ~ праслав. *dolbto* в число славяно-пруссских лексических изолексов, поскольку оно сначала по-дозревалось в заимствовании из лехитского языкового ареала, а затем для него были найдены соответствия в восточнобалтийских языках [34]. При любом из этих решений оно, естественно, не попадало в число эксклюзивных славяно-пруссских изолексов. Однако после того, как для др.-прусс. *dalptan* были найдены восточнобалтийские соответствия: литов. *dil bti*, *del pti* «бить, ударять» и установлено, что в восточнобалтийском название долота (литов. *káltas*, лтш. *kalts*) образовалось от другого глагола (литов. *kálti* «бить, ковать»), стало понятным, что праславянский унаследовал западнобалтийскую инновацию. Это может быть легко показано и для множества других примеров. Тем самым и на этом уровне обосновывается дочерний характер праславянского по отношению к западнобалтийскому.

В задачу нашей статьи не входило повторение прежних и добавление новых аргументов в пользу доказательства зарождения праславянского языка в западнобалтийском ареале и определение границ распространения носителей праславянского языка на разных этапах его эволюции. Такие работы нужны прежде всего в области славяно-налеобалканских (для определения южной границы распространения праславянского языка на начальном этапе его развития) и славяно-пруссских (для детального восстановления его западнобалтийского субстрата) языковых отношений. Здесь же наша задача была значительно скромнее. Мы ставили себе целью обобщить собственный опыт верификации в компаративистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. К проблеме прародинны славян. Минск, 1963.
2. Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингвистического изучения Припятского Полесья. — Советское славяноведение, 1965, № 4.
3. Мартынов В. В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971.
4. Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968.
5. Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973.
6. Мартынов В. В. К реконструкции славянского и дославянского вокализма. — *Studia Rossica*, 1979, X.
7. Мартынов В. В. Балто-славянский инновационный процесс в области именного словообразования. — *Baltistica*, 1977, II priedas.
8. Мартынов В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978.
9. Мартынов В. В. Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян. — В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
10. Мартынов В. В. Балтийский лексический ингредиент праславянского языка. — *ABSL*, 1982, 14.
11. Мартынов В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов. Минск, 1982.
12. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983.
13. Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

14. *Baudouin de Courtenay F.* Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation).— IF, 1894, 4, S. 54.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, с. 478.
16. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики.— ВЯ, 1982, 4, с. 15.
17. *Откупщиков Ю. В.* Балтийский и славянский.— В кн.: Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. Л., 1983.
18. *Stankiewicz E.* The etymology of Common Slavic *skotъ* «cattle» and related terms.— In: Studies in Slavic linguistics and poetics in honor of Boris O. Unbegaun. New—York—London, 1968, p. 222.
19. *Журавлев А. Ф.* К этимологии слав. **skotъ*.— В кн.: Этимология. 1981. М., 1983, с. 39.
20. *Safarewicz F.* Przedhistoryczne związki językowe italsko-słowiańskie.— In: Studia językoznawcze, Warszawa, 1967, s. 273.
21. *Základní všeslovanská slovní zásoba.* Врно, 1964.
22. *Мартынов В. В.* Западнобалтийский субстрат праславянского языка.— В кн.: Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов второй балто-славянской конференции. М., 1983, с. 22.
23. *Лексіка Палесся ў прасторы і часе.* Минск, 1971, с. 196.
24. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян.— ВЯ, 1984, 2, с. 19.
25. *Мартынов В. В.* Этногенез, глоттогенез и ареальная лингвистика.— В кн.: Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, с. 12.
26. *Schmalstieg W. R.* Baltų ir slavų kalbų vokalizmo sistemų raidos chronologija.— Baltistica, 1972, I priedas, p. 161.
27. *Зинкявичюс З.* О развитии балтийского вокализма.— В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 12.
28. *Мажюлис В.* Заметки по прусскому вокализму.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь профессора Б. А. Ларина. Л., 1963.
29. *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966.
30. *Schmalstieg W. R.* A new look at the Old Prussian pronoun. — Baltistica, 1971, VII (2), p. 129.
31. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. Е—Н. М., 1979, с. 73.
32. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981, p. 14.
33. *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, p. 140.
34. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А—Д. М., 1975, с. 291.